

УДК 340+342

В.А. Чиркин**ГЕНЕЗИС ДРЕВНЕРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА СОБСТВЕННОСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ X–XIV веков**

Статья посвящена проблеме становления и развития государственности и собственности в Русском государстве в эпоху средневековья в узком и широком смысле, то есть в экономическом, социальном и политическом, что создает своеобразие в развитии этого института в русской истории государства и права, влияя на воззрения представителей теории государства и права в России. Отмечается, что при определенном стечении факторов-обстоятельств институт собственности может и действительно перетекает или даже охватывает содержательную часть понятия власти, власти «политической». Статья являет собой попытку осмысления понятия «вотчины» в русской историографии и сопряженных с ним институтов, включая фактор социально-психологический или массовое сознание.

Ключевые слова: государственность, процесс становления, государство, сословия, протофеодальный, цивилизация, община, город, племенной союз, волость, князь, вече, бояре, дружина, варяги, людье, смерды, изгои, закупы, собственность, владение, наследование, землевладение, аллод, аллодиальная форма собственности, отчина, вотчина, Русь, Московская Русь.

DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-6-894-907

Изучение истории человеческой цивилизации, безусловно, приводит к мысли о том, что *собственность* – категория историческая. Но именно это осознание вынуждает любого непредвзятого ученого признать вслед за этим, что классическое определение института собственности в конкретных исторических условиях становится неожиданно трудно уловимым. Ситуация усложняется и тем, что при определенном стечении факторов-обстоятельств институт собственности может и действительно перетекает или даже охватывает содержательную часть понятия власти, власти «политической», что мы и наблюдаем на примере зарождения, становления и развития средневекового русского государства в узком и широком значении данного понятия. А должны мы об этом говорить именно в силу неоспоримости того факта нашей истории, что зарождение, становление и развитие понятий и институтов государства и собственности в русской истории изначально оказались тесно переплетенными, взаимообусловленными. Это очевидное положение и составляет немалые сложности в исследовании института собственности в нашей стране и по сей день. Но мы ограничимся периодом в основном X–XIV вв., при необходимости «заходя» в XV–XVII вв.

В разрешении стоящей перед нами проблемы может помочь обращение к другому, тесно связанному с ним институту – институту наследования. Но и он, в свою очередь, возникал всякий раз лишь при определенных условиях, что также требовало иногда весьма значительного времени. Хорошо по этому поводу высказалась Л.В.Данилова, изучая происхождение и эволюцию понятия русской средневековой «вотчины». Она подчеркнула, что «...понятие наследства и наследственного права появляется на определенной ступени общественного развития, когда в результате трансформации общины расширяется и упрочивается роль отдельной семьи как хозяйственной и социальной ячейки, происходит вычленение её из кровно-родственной общины»¹. И все бы хорошо, но здесь у специалистов должен возникнуть вопрос, даже два: первый – при каком типе общины в этой части Восточной Европы и повсеместно ли реально начинает формироваться институт наследования; второй – к какому типу семьи эти отношения применялись. Последнее положение неизбежно возникает, по аналогии с древнеримской историей, где почти на всем (!) ее протяжении мы наблюдали существование большой патриархальной семьи с властью домовладыки². А как на Руси?

Безусловно, следует обратить внимание на суть понятия «вотчина» в западноевропейском смысле этого слова и в восточно-европейском, русском или, точнее – древнерусском. О содержании западноевропейского термина «вотчина» удобнее сказать в самом начале и далее шаг за шагом рассматривать его в русском средневековом варианте.

¹ Данилова Л.В. Понятие земельной вотчины в средневековой Руси // Средневековая и новая Россия: сб. науч. ст. СПб., 1996. С. 254.

² См.: Насибуллин Р.А. Очерки истории зарубежного права. Екатеринбург, 2005. С. 153, 168, 194, 199–200,

«Вотчина» в западноевропейских странах – это комплекс феодальной земельной собственности, в отличие от Московской Руси, никак не связанный с его величиной или с титулом его собственника. Эта земельная собственность «выросла» из повсеместного и всеобщего периода аллодиальной собственности и ее последующего перераспределения в соответствии с развитием социальной и политической стратификации, или так называемой мобилизации земли. Здесь вотчина – всеобщий тип или форма, в рамках которой организуется и ведется господское хозяйство. Этот хозяйственный комплекс изначально был рассчитан на автаркию, то есть на максимально возможное самообеспечение. Он включал в себя пашенную землю, леса и воды, жилые и хозяйственные постройки, «живой» и «мертвый» инвентарь. Как институт собственности и владения комплекс включал в себя права на труд и на личность феодально-зависимых крестьян. Отсюда вотчина делится на две неравные части: домениальную землю и землю крестьянских держаний. В VII–X вв. домен (барская запашка) был велик, но по мере сокращения нужды в барщине, особенно в отработках на барском поле, домен сокращался, а площадь земли держаний росла. Тем не менее и в XIV–XVI вв. в тех же германских землях домен сохранился за счет практики распространения крупной издольной аренды и оттока части крестьян в города и на разного рода промыслы: горные, соляные, по производству кирпича, селитры и т. д. Вотчины были королевские, церковные/монастырские, дворянские/рыцарские, ими владели представители аристократии. Организация господского светского и церковного феодального хозяйства менялась, и в XIV–XV вв. вотчинная организация ведения хозяйства преобразуется в поместную, почти с полной ликвидацией или сокращением барской запашки. Домениальная земля передается в аренду либо в держание крестьянам, а со временем всем, у кого есть средства на ведение хозяйства. Барщины, повинности оброчные обязательства трансформируются в денежный либо продуктовый или смешанный чинш с выплатой дважды в год. В наиболее развитых европейских странах уже к концу XIV – началу XV в. завершается процесс выкупа крепостными обязательств, связанных с личной зависимостью. Выкупив их суммарно за 20 лет, крестьянин получал документ о выходе из крепостной зависимости и продолжал заниматься сельским производством за фиксированный платеж или арендную плату, к чему и была сведена его поземельная зависимость³.

Предварительно заметим, что указанные понятия-категории, и прежде всего понятие «вотчины», можно рассматривать, лишь условившись о периодизации изучаемого времени отечественной или древнерусской истории. Автор статьи является сторонником концепции А.И. Неусыхина⁴ еще с аспирантских времен. А дальнейшее исследование аграрной истории, прежде всего, Тюрингии и Саксонии XV–XVI вв.⁵ и истории германских народов в целом, необходимость знакомиться с литературой по истории государства и права, особенно России, лишь укрепили эти представления. Отсюда стадиально-хронологически период IX–XIV вв. рассматривается автором статьи уже более двух десятков лет как дофеодальный либо протофеодальный. Если точнее, то с момента захвата в 882 г. Киева словенцами с союзными племенами северо-запада во главе с Олегом и приблизительно до середины XIV в. В смысле содержания – это переход от родоплеменных к протофеодальным и, наконец, к раннефеодальным отношениям. Протофеодальный период – это, на наш взгляд, исторический период, связанный с переформатированием прежних, доклассовых по характеру отношений и с постепенным формированием основных элементов, которые в процессе генезиса и приводят всю систему отношений к стадии раннефеодальных отношений, к закреплению хотя бы основных черт собственно феодальной системы, где количественные изменения приводят к качественно новым состояниям в социальной, экономической, политической и идеологической сферах⁶.

В таком случае наша позиция требует уточнения. Собственно родоплеменные отношения последовательно «ушли» в правление Владимира Святославича и Ярослава Владимировича с конца X в. и до середины XI в. Распространение и утверждение христианства именно при этих князьях и, главным образом, при Ярославе об этом свидетельствуют. А начавшееся в первой четверти XII в., при Владимире Всеволодовиче Мономахе формирование крупной церковной земельной собственности в дополнение к взимаемой более века десятина⁷, струнувшее застоявшийся процесс роста уже крупной

³ Чиркин В.А. История среднегерманских земель в документах XIV–XVI вв. М., 2015. С. 239-240.

⁴ См.: Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма: избранные труды. М., 1974.

⁵ См.: Чиркин В.А. История среднегерманских земель в документах... С. 75-77. Особенно: С. 233-234, 235-236, 237, 240, 242-243.

⁶ Чиркин В.А. Указ. соч. С. 248-252.

⁷ См.: Новосельцев А.П. Киевская Русь в X – 20-годах XII вв. // История Европы. М., 1992. Т. 2. С. 203-204, 208.

княжеской и боярской земельной собственности, свидетельствовали о начале становления аллодиальной формы крупной земельной собственности, или «отчины», аналога франкского крупного аллода эпохи Меровингов⁸. Именно об этом говорит пространная редакция Русской Правды в статье 91 о праве дочерей бояр и дружинников на наследство своих отцов в отсутствие сыновей. Но отличие заключалось в том, что на Руси – и в это время и позднее – крестьянский аллод так и не сформировался, что прямо подтверждает статья 85 пространной редакции Русской Правды о запрете наследования дочерьми любого имущества смердов, кроме приданого. Хотя тенденции к его оформлению, похоже были, что в принципе важно отметить.

Если судить по аналогии, то выясняется фактор, р е ш и т е л ь н о повлиявший на длительность формирования условий к появлению феодальных институтов на Руси – малая заинтересованность формирующейся «*русской*» элиты в получении главного дохода в пределах «собственных территорий», со «своего населения». По всей видимости, смена внешнего источника обогащения русских князей и боярства на внутренний началась на Руси не ранее правления Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского и в последующие времена усиливалась. Эта ситуация усугублялась усиливающимся падением мощи, богатства и международного значения Ромейской державы, что имело своим следствием уменьшение значения и роли Днепровского пути.

На крестьянство Руси влияло, в свою очередь, наличие колоссального ресурса для внешней и внутренней колонизации, малая плотность населения⁹. Влияло и постоянное, за редкими исключениями, давление кочевой степи¹⁰. Все эти факторы, прежде всего, последний, усугубляемый все это время княжескими усобицами, никак не стимулировали переход к аллодиальной форме собственности. Косвенно о последствиях их воздействия на степень и уровень хозяйственного развития Древней Руси, не говоря уже об Ордынских временах, особенно до надлома 1327 г., говорит то обстоятельство, что даже в более «спокойных», то есть «выхваченных» из под Орды юго-западных и западных землях собственно домонгольской Руси, большей частью попавших в состав Великого княжества Литовского, процесс становления основных феодальных институтов стал ускоряться лишь с объединением Литвы и Польши в единое государство. С этого момента феодальные отношения, зафиксированные более выраженным феодальным правом Польши, длительное время воспринимавшим воздействием развитых норм германского классического феодального права, о чем пишет В.Е. Рубаник¹¹, окончательно оформляются как таковые. Но (!) даже в этих южных и юго-западных русских землях бывшей Киевской Руси феодальные отношения окончательно оформились лишь к исходу XVI в., во времена Третьего Литовского Статута 1588 г. В Московском государстве подобная задача разрешилась только ко времени принятия Соборного Уложения 1649 г. При этом Новоуказанные статьи к нему продолжали издаваться вплоть до времен правления Софьи Алексеевны и Петра Алексеевича.

В значительной степени на эту ситуацию влияла и практика ведения крестьянами своего хозяйства с помощью *лесного перелога*. Напомним, под крестьянской «вотчиной» следует понимать не сплошную территорию с четкими границами, а внесенные в писцовые книги или хранимые в памяти «старожильцев», расположенные в разных местах, хозяйственно используемые и подлежащие налогообложению угодья. Лесной перелог сочетался с трёхпольем либо двухпольем. К концу XVI в. отношения по его использованию регламентировало уже само государство¹². Паровая система земледелия с трёхпольным севооборотом и лесным перелогом – это результат многовекового опыта в определённых природных условиях северных широт. Не случайно срок действия родового выкупа в 20–40 лет совпадал со временем, необходимым для восстановления плодородия земли, брошенной в *залеж*, и возвращения в трёхпольный севооборот. Такая практика объясняет отсутствие в средневековой Руси предпосылок для появления крестьянских наделов с фиксированными границами. Следует учитывать

⁸ Чиркин В.А. Аллод // История среднегерманских земель... С. 233-234.

⁹ Черепнин Л.В., Назаров В.Д. Крестьянство на Руси в середине XII – конце XV вв. // История крестьянства в Европе. М., 1986. Т. 2. Ч. 2. Гл. 13. С. 251-255.

¹⁰ См.: Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 198, 206, 209; Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 2001. С. 40-64, 133-180.

¹¹ Рубаник В.Е. Отношения собственности в восточнославянской традиции правового регулирования (начало X в. – 1991 г.): дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. С. 34, 15..

¹² Так, ст. 27 краткой редакции Судебника 1589 г. и ст. 174 его пространной редакции говорили о недозволенной распашке «прежних запашей» поросших молодью.

и глубокую привязанность крестьян, особенно черносошных, к общине¹³. До образования единого Российского государства и даже позже административные единицы – волость, стан, уезд, представляли собой, прежде всего, сообщества жителей, включённых в *тягло* либо *обелённых*, имеющих иммунитет. Иными словами, особенно в домонгольский период все свободное население Руси двигалось, в плане имущественных отношений, к *аллоду*, но крестьянство, в силу целого ряда причин, как мы могли видеть, не смогло вывести свои имущественные права на этот уровень. Хотя черносошное крестьянство, составлявшее большинство крестьянской массы вплоть до начала XVII в., и приближалось к нему¹⁴. Именно владение землей «в отчину» на черных, то есть государственных землях многими специалистами рассматривается как аналог института средневековой непривилегированной крестьянской собственности. Более того, можно наблюдать сохранение и даже рост значительной массы не-свободного населения (челяди, холопов, закупов и т. д.), которого с избытком хватало в плане обеспечения привилегированного крупного княжеского, боярского и монастырского землевладения. Отсюда критически позднее развертывание массового перевода крестьянства Руси в крепостное состояние. На наш взгляд, именно это обстоятельство в значительной мере определило и эволюцию русского средневекового города, и государственности. Отсюда растянутасть, по сравнению с нашими южными, западными и северными соседями, периода перехода к ранним феодальным отношениям и институтам, сохранение значительного контингента реликта рабовладельческих отношений – холопства вплоть до XIX в.(!). Не в этом ли кроется секрет опускания статуса крепостного в России до практически рабского уже в XVII в., не говоря о «просвещенном» XVIII в.?

В эпоху Меровингов именно относительно быстрое исчерпание возможности ограбления «чужих» земель и заставило *франкскую элиту* обратить свои взоры на *внутренние* ресурсы, сначала на галло-римское, а чуть позже и на собственное германское население. Изначально – это кормления с завоеванного населения, а оно составляло громадное большинство по отношению к франкам, и постепенное распространение обязанности по кормлению на соплеменников. Долгое отсутствие внешней угрозы в эпоху Меровингов привело к усилению тенденции по переходу от традиционных племенных к территориальным по характеру органам власти. Эта тенденция по времени совпала с процессом становления *аллодиальной формы собственности* для германского населения по причине исчерпания экстенсивного пути хозяйствования. Это в свою очередь стимулировало усиление качественных методов ведения всех видов сельского производства и общинниками, и вождями с их дружинным, прежде всего, окружением. По сравнению с Русью, франки прошли этот этап очень быстро. Оседание дружины на землю совпало с аллодиальной фазой уже при сыновьях Хлодвига в середине VI в. Но оформление собственно ранней феодальной государственности завершалось уже при Каролингах, то есть через 200 лет, и оно совпало с проведением бенефициарной реформы Карла Мартелла, церковной политикой Пепина Короткого и оформлением феодального законодательства Карлом Великим¹⁵.

Близка автору статьи и позиция по государственному устройству, экономическому развитию и социальным последствиям преобразований IX–XIV вв.¹⁶ В частности, в политическом отношении –

¹³ Данилова Л.В. Понятие земельной вотчины в средневековой Руси // Средневековая и новая Россия: сб. науч. ст. СПб., 1996. С. 260.

¹⁴ Интересную и продуктивную точку зрения по этому вопросу приводит В.Е. Рубаник, говоря об украинских и белорусских землях в составе Литовского княжества и позже Польши: «Период XIV–XV вв. характеризовался тем, что основное значение приобретало не право собственности как таковое, а собственность в ее экономическом понимании, а отсюда вытекало и то, что системно определившейся правовой регламентации правомочий собственника законодательство этого периода еще не знало, поскольку неотложной практической потребности в таком определении для того времени еще не существовало и появляется она намного позже». По Литовским Статутам 1529, 1566 и 1588 гг. уже четко выделялось деление на движимое и недвижимое имущество. А правовой режим имущества определялся видом имущества, принадлежностью его тому или иному субъекту, способом приобретения. Статут 1588 г. разрешил «...всем состояниям шляхетского рода... свободно теперь и в будущем именьями своими, отчинами (аллодами. – Ч.В.), материнскими, также выслуженными у нас, государя, и каким-нибудь обычаем и способом, нажитым на вечность, распоряжаться в соответствии с потребностью, желанием и собственным усмотрением». См.: Рубаник В.Е. Отношения собственности в восточнославянской традиции правового регулирования (начало X в. -1991 г.): дис. ...докт. юрид. наук. М., 2004. С. 14, 34.

¹⁵ Бессмертный Ю.Л. Франкское государство // История Европы. М., 1992. Т. 2. Ч. 1. Гл. 3. С. 112-126.

¹⁶ См.: Чиркин В.А. Соотношение внутреннего и внешнего факторов в процессе развития ранней государственности Руси XII – начала XIV вв. // Вестн. Удм. ун-та. Сер.: Экономика и право. 2020. Т. 30, вып. 3. С. 451-457.

это переход в XI в. от суперсоюза восточно-славянских племен к волости, городу-государству¹⁷, состоящим из главного города, где имелось собственное вече, с младшими городами, не имевшими такового, с тянувшимися к ним сельскими общинами-*вервями*. В главном или *старшем* городе (*городская община*) находился князь с дружиной и собиралось вече, на которое приглашались из пригородов или младших городов представители земства, а вся волость формировала земское ополчение. Такая система определялась как система «непосредственной демократии». Помимо князя с дружиной и боярами, нашла себе место и церковь, сумевшая приспособиться к народоправству. Хотя стоит согласиться с И.Я. Фрояновым в том, что введение христианства князем Владимиров Святославичем в конце X столетия являлось опережением событий, забеганием вперед¹⁸. Князь и его окружение, городская верхушка пытались с помощью христианства удержать начавшийся процесс распада суперсоюза племен на волости, что в итоге не удалось сделать. Довольно часто приходилось обращаться в новую веру силой. Не имея под собой твердой социальной почвы и ближайшей политической перспективы, оно «скользило» по поверхности древнерусского общества. При этом отмечено, что вплоть до начала XIII в. князья зависели от народа. Да и боярство¹⁹, будучи лидерами в обществе, подобно князю «еще не оторвалось от народной среды». Простой народ – *людье* играл в политической жизни Древней Руси «выдающуюся роль». Вече имело определяющее значение в политической сфере, а основной военной силой Руси было народное ополчение – *вои*.

Собственно удельный период представляет собой начавшийся уже в конце XI в. процесс распада крупных волостей на более мелкие с аналогичной крупной структурой «политической организации»²⁰. Следует заметить в связи с этим, что, по И.Я. Фроянову, города на Руси появляются на позднем этапе родо-племенного строя, когда формируются крупные племенные и межплеменные объединения, называемые полянами, древлянами и т. д. Они возникают в качестве жизненно необходимых органов, координирующих и направляющих деятельность общественных союзов и становятся военно-политическими, административными и культурно-религиозными средоточиями. В конце X – начале XI в. в ходе окончательного распада родо-племенных и формирования территориальных связей в обществе именно города, пережив перенос своего местоположения и уничтожение старинной знати – *старцев градских*²¹, приобретают системообразующее значение, «стягивая» вокруг себя волость и формируя социальный организм, который можно определить (!) как большую территориальную общину, имеющую государственный статус. Дальнейшая история Руси есть история городов-государств, государств-общин.

¹⁷ И.Я. Фроянов говорит *лишь о сходстве* в развитии исторического процесса на Руси и в архаической Греции и о наличии «массы идентичных черт в русском городе-государстве и архаическом полисе». Такие структуры были характерны, по его мнению, для многих обществ, переживавших переходный период от первичной первобытно-общинной формации к вторичной, где на передний план выходят социальные антагонизмы. Он писал об этом в соавторстве с А.Ю. Дворниченко в 1988 г. в книге «Города-государства Древней Руси». Сравни: Лисюченко И.В. Критерии и особенности государственности в Древней Руси // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25, вып.4. С. 14-20.

¹⁸ См.: Средневековая и новая Россия... С. 16-17.

¹⁹ К XI – XII вв., пройдя уже долгий путь развития, дружина стала подразделяться на бояр и «молодшую» дружину – отроков, детских.

²⁰ См. подробнее: Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. А также: Алексеев Ю.Г., Дворниченко А.Ю., Дегтярев А.Я. и др. Игорь Яковлевич Фроянов: страницы жизни и творчества русского ученого // Средневековая и новая Россия... С. 10-11 и др.

²¹ В.В. Пузанов в статье «Памяти святого равноапостольного князя Владимира» (Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25, вып.4. С. 175) пишет: «...При Владимире ликвидируются местные «племенные» органы власти, которые заменяют назначаемыми киевским князем наместниками. Процесс... вызывал ожесточенное сопротивление данников... Это сопротивление заканчивалось разрушением «племенных» центров, ликвидацией местных князей и знати, основанием нового города-крепости, в котором садился великокняжеский наместник с дружиной для управления подчиненной территорией. Не случайно из 24 городищ IX – начала XI вв. ... прекративших свое существование, большинство погибает в правление князя Владимира на рубеже X–XI вв.». И там же на С. 176: «... Рюриковичи, ликвидируя «племенных» князей и знать, фактически меняли этнокультурную идентичность возглавляемую ими племенных союзов: теперь они уже были не «древлянами», «кривичами», «северянами»..., но «русью», «рускими» (подданными русских князей). Вот почему Олег, заняв Киев, не только объявил полянский Киев «матерью городам руским», но и нарек варягов, словен и представителей других подвластных племен «русью»... Процесс завершился при Владимире Святославиче, когда во всех восточнославянских землях появились киевские наместники и все население, подвластное русскому князю, стало *русью*.

На наш взгляд, все же термины «город-государство» и «город-волость» вполне адекватны термину «княжество», ибо в домонгольской Руси, по мнению самого И.Я. Фроянова, такой термин не использовали, впрочем, как и термин «Киевская Русь». Была *Русьская земля*. При этом И.Я. Фроянов вполне обосновано отмечал сходство социально-экономического и политического строя Древней Руси с дофеодальным периодом, выделенным А.И. Неусыхиним и А.Я. Гуревичем на материалах Западной Европы²². Та же мысль проводится и в диссертации В.Е. Рубаника: «... Правовые нормы, которыми регулировались общественные отношения собственности на Руси до монголо-татарского нашествия, в целом были очень близки тем, которые зафиксированы в западноевропейских раннесредневековых Законах – Аламманской, Салической и др.»²³.

Более того, термин «государство-община», следуя логике И.Я. Фроянова, мы могли бы употреблять вплоть до правления Дмитрия Донского: «...Российская монархия прошла свой путь становления за сравнительно короткий срок... Возникнув в княжение Дмитрия Донского после упразднения (курсив мой. – В.Ч.) вечевого строя, как единственная власть в государстве, будучи в немалой степени ограничена высшим московским боярством, она к исходу XV в., освободившись от боярских пут, усвоила самодержавный характер с присущей ей всей полнотой политической власти в стране»²⁴.

С такой оценкой тем более трудно согласиться. И сага об Андрее Боголюбском дает нам в том немалое подтверждение. А это период 1157–1174 гг. Хотя вряд ли стоит забывать тот факт, что Андрей не захотел сидеть в Киеве из-за наличия в нем сильного вече. Тем не менее этот эпизод нашей истории иллюстрирует очевидную тенденцию – становление монархии происходило в условиях Руси довольно долго и трудно, неравномерно. Да и московское боярство, в определяющих ситуациях, твердо стояло на стороне объективно растущей, а после Куликова побоища и преследования разграбленного и сжегшего дотла Москву Тохтамыша, уже и субъективно осознающей себя общерусской властью князей Московской Руси, но уже не княжества Московского. К слову сказать, И.Я. Фроянов, безусловно, прав, указывая на главный момент в истории отечественной государственности. На наш взгляд, именно Дмитрий Иванович мог и только он, узнав о победе русского оружия, стоя среди массы человеческих тел, искореженных небывалым по европейским, да и восточно-европейским меркам, по масштабам и ожесточению сражением, всем существом своим осознать и прочувствовать: свершилось, смогли! Вот только когда и где впервые могла возникнуть осознанная и выстраданная русским народом и его князем и с этого момента – государем(!) мысль, идея – не просто наращивать Московское княжество, а уже реально искать пути к объединению, в прямом смысле слова, всех русских земель. После победы над Тохтамышем речь московские князья и все более *государя* вели уже не о союзе всех русских князей, а о создании *единого* Русского *государства*. Да не скоро дело делается. Потребуется еще столетие неуклонной и тяжелой работы для окончательного решения этого великого дела. Будущее показало – князья это понимали, а часть из них *приняли* неизбежное. Но противостоять этому явному стремлению русского народа они все, без исключения, уже не могли. В этом плане просто необходимо выделить великолепную мысль И.Я. Фроянова по этому поводу: «...Средневековое время работало на монарха, нашедшего поддержку в народе. ... Народ, которому претила аристократия (читай – князья и боярство. – Ч.В.), предпочел [великого] князя и не ошибся, ибо в конкретных исторических условиях того времени только монархия могла дать ему внутренний и внешний мир, в конечном счете обеспечить будущее»²⁵.

Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что именно с середины XII в. обозначился процесс «оседания дружины на землю», зарождается рядом с княжеской властью и боярством новая категория зависимых от них *служебных* людей – «*министериалы*», на Руси их называли *подручниками*, *дворянами*, *дворней*²⁶. Князья и боярство стали проявлять интерес к ведению собственного помещичьего, пашенного хозяйства. Отсюда рост интереса к землевладению, но все еще при сохранении холопства и закупничества как основных категорий рабочей силы. Города становятся, в том числе, и центрами развитого ремесленного производства²⁷, проявляется тенденция к росту внутреннего рынка

²² Средневековая и новая Россия... С. 12-13.

²³ Рубаник В.Е. Отношения собственности в восточнославянской традиции... С. 31.

²⁴ См.: Там же. С. 21.

²⁵ Цит. Там же. С. 24.

²⁶ См. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 2001. С. 85.

²⁷ См.: Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988 и др.

на фоне очевидного кризиса главного источника богатств русской знати и самих князей – транзитной и международной торговли в целом, в связи с нарастающим процессом *упадка* Ромейской империи²⁸.

На наш взгляд, все эти процессы очевидно указывают на пусть и медленную, усложненную, в силу особых условий «местопребывания» славянства, «аккумулирующего» местное финно-угорское и тюркское население в ходе нарастающего процесса этногенеза и формирования русской народности, в продолжающейся колонизации северных и северо-восточных территорий, – тенденцию развития Восточной Европы по западноевропейскому²⁹ типу цивилизационного развития. Если кратко, то, как представляется, Русь формировала одно за другим условия-предпосылки для перехода в стадию раннего феодализма именно по североевропейским «лекалам». И не следует забывать, что к моменту прихода призванного словенцами и их соседями ютландского конунга Рюрика с дружиной варяжская экспансия уже прошла свой пик. Так что навыков представителей приглашенной династии было более чем достаточно для выполнения стоящих перед восточно-европейскими славянами политических и военных задач, да и торгово-экономических³⁰. Начиная с захвата в 882 г. Киева Олегом, Рюриковичи уверенно закрепляли новый, после известного им Волжского, путь из Северной Европы в Византию и далее к арабам по Днепру. Тем более что древнейший город Руси Ладога, датируемый VIII в., имел прямое отношение к варягам и был старше Киева. Славяне севера и северо-запада и викинги уже достаточно долго и хорошо знали друг друга. Да и практика создания скандинавами *виков*, торговых факторий на важных торговых путях в нейтральных землях либо «пограничьях», как мы видим, очень пригодилась Руси впоследствии³¹.

Таким образом, можно отметить, что проблема уточнения в определении зрелости стадияльного развития Руси IX–XIV вв. все еще актуальна. Исследований и в гражданской, и в государственно-правовой историографии все больше. Так, в диссертации М.Б. Лукашевич, защищенной в 2007 г. и посвященной эволюции форм Российского государства та же мысль выражена следующим образом: «... На Руси варяжские дружины действительно выступали в качестве консолидирующей силы, однако *изначально* (здесь и далее курсив мой. – В.Ч.) формирование сложных политических систем происходило в результате образования *городов-государств*, объединивших вокруг себя сельские общины. Таким образом, появление городских центров было ключевым фактором укрепления новых *территориальных* общностей, основанных не на племенном, а на хозяйственно-политическом единстве – городских областей. Они играли важнейшую роль в сплочении *территориальных* союзов племен, в формировании *протогосударственных* (предгосударственных), институтов»³².

Городские центры постепенно брали на себя функции координации и управления подчиненной территорией. Не последнюю роль в этом процессе играли обменные связи, сплачивающие отдельные племена и родовые группы в единое территориальное сообщество. В городских центрах находились *потестарные институты власти*: князь, старейшины и вече. Их дальнейшая эволюция привела к становлению наследственной территориальной монархии и, одновременно, появлению средневековых республик (Новгород, Псков, Вятка). По своему типу последние имели много общего с вольными городами Западной Европы. Но в результате нашествия кочевников-монголов в XIII в. цивилизационный вектор развития Руси коренным образом³³ изменился. Носители «киевской культуры», как и она сама, почти полностью исчезли, и государственность приобрела «*вотчинные*» черты³⁴. Перед нами некий продуктивный в основе для решения конкретной проблемы симбиоз (в хорошем смысле. –

²⁸ Мне уже приходилось писать по этому поводу. См.: Чиркин В.А. О соотношении внутреннего и внешнего факторов в процессе развития ранней государственности Руси... С. 454-456.

²⁹ Если быть внимательнее, то следует более рассматривать раннефеодальные английскую и скандинавскую модели перехода к феодализму. Автор все более склоняется к этой мысли, ознакомившись самым тщательным образом с блестящей и глубокой работой, выполненной с привлечением большого массива отечественных и зарубежных письменных, археологических и фольклорных источников: Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1986.

³⁰ См.: Лебедев Г.С. Эпоха викингов... С. 65-149 в особенности. Было бы полезно сопоставить эту мысль с положением, высказанным В.В. Момотовым по поводу двух путей развития Руси: новгородском и киевским. См.: Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в XI-XIV вв. М., 2003. С. 381-382 и др.

³¹ См.: Лебедев Г.С. Указ. соч. С. 100-119.

³² Цит. по: Юшков С.В. История государства и права России (IX-XIX вв.). Ростов /н Д., 1995. С. 11

³³ Думается, вряд ли. Такая тенденция наблюдается уже во второй половине XII в. Здесь же можно видеть лишь усиление деспотических черт в характере управления княжествами и позже в Московской Руси.

³⁴ Лукашевич М.Б. Эволюция формы Российского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 13.

В. Ч.) из истории отечественного государства и права взглядов С.В. Юшкова и гражданской истории И.Ф. Фроянова.

Эти представления необходимо углубить и дополнить материалами великолепного современного исследования В.В. Момотова³⁵, который вслед за С.В. Юшковым относит домонгольский период истории Руси к «дофеодальной средневековой государственности», которую характеризовало наличие в экономике многоукладности³⁶. И все же, на наш взгляд, монгольские погромы и последующее владычество Орды прервут, но не остановят исследуемые нами позитивные для русских земель процессы³⁷. Более того, уже в 20–30-х гг. XIV в., а затем и в последней трети того же столетия с завершением восстановления экономики и благодаря ее дальнейшему подъему, позитивным демографическим процессам на Руси, прерванным несколькими годами чумной пандемии, а также *субъективно* узкокорыстной, а *объективно* благоприятной в перспективе для московских и союзных им русских земель политике Калиты и Калитовичей, эти процессы усилятся настолько, что создаваемое ими Московское княжество, а очень скоро и собственно Московская Русь, как отмечает и И.Я. Фроянов, буквально за столетие основательно войдут в так называемую феодальную стадию развития. Но до этого момента они продолжали оставаться князьями-вотчинниками, как и их соседи, пока удельно-вотчинная Русь не перешла в течение XV – начале XVI в. в стадию сословной монархии, фактически пройдя этап раннефеодальной монархии за столетие – со второй половины XIV и до последней трети XV вв.

Хотелось бы обратить внимание на принципиально важную мысль, сформулированную И.Н.Данилевским. Речь идет о выборе, встававшем перед Русью сразу после монгольского завоевания, и об отношении к борьбе Москвы с Тверью в 1327 г. В первом случае, сравнивая деятельность великих князей Александра Невского и литовского Миндовга, он пишет: «... Вся история этого государства (Великого княжества Литовского – в просторечии – Руси, т. к. в его состав входили почти все крупные «политические и экономические центры Киевской Руси) – тяжелейшая борьба ... против Ордена и против Орды. И... в конце концов, победа оказалась на его стороне. Видимо борьба за свободу не бывает... бесперспективной³⁸, ... иначе как объяснить, что разумная Северо-Восточная Русь была вынуждена тянуть унижительную лямку ордынских "выходов"...»³⁹. Во втором случае, он же замечает, что «...труд русского народа, его героическая борьба с игом и постепенное ослабление Орды создавали условия для образования на Руси единого государства... во главе с центром. Каким? Был ли выбор у Ивана Калиты в 1327-1328 гг.? ... Может существовать и такая логика: соединись Иван Данилович с Тверью – и Куликовская битва произошла бы на 53 года раньше... В борьбе с игом вовсе не безразлично было, как скоро созреет русское общество для активного сопротивления Орде. И тут вклад тверичей огромен. ...К концу XIII в. во времена Дюденева рати 1293 г. на северо-востоке Руси произошла серия крупных городских восстаний против всевластия ордынцев. [Они были жестоко подавлены, но Орда пошла после этих событий на] прекращение деятельности баскаческих отрядов»⁴⁰ (!).

³⁵ Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX-XIV вв.

³⁶ Там же. С. 47.

³⁷ К такому выводу подталкивает и знакомство с интереснейшей докторской диссертацией В.В. Момотова «Формирование русского средневекового права в IX-XIV вв.» (М., 2003), опубликованной в виде монографии в том же году.

³⁸ В уже упоминавшейся диссертации В.Е. Рубаника, отмечено, что «... в XIV-XVI вв., в украинских и белорусских землях (Литовского, а затем Польско-литовского государства) решающее значение в определении основных направлений правового регулирования отношений собственности получили закрепление права отчуждения аллода (отчины и материнские? См.: Там же. С. 34), победа крупного землевладения над мелким, окончательное установление между землевладельцами и крестьянами отношений господства и подчинения, а внутри господствующего слоя – покровительства и службы... Эти и другие черты... были присущи развитию законодательного регулирования отношений собственности в украинских и белорусских землях по литовскому, немецкому и польскому праву в XIV-XVII вв. См.: Рубаник В.Е. Указ. соч. С. 15. Не будем при этом забывать, что автор пишет: «...Продолжительное время это регулирование осуществлялось преимущественно на основе предписаний Русской Правды, и лишь в XVI в. (уже упомянутыми автором Литовскими Статутами) были внесены существенные изменения в тот регулятивный комплекс, которым определялись имущественные отношения в литовско-русском обществе» (С. 34) .

³⁹ Данилевский И.Н. Указ. соч. С. 219.

⁴⁰ Там же. С. 265, 229.

И думается, что не «под влиянием» татаро-монгольского завоевания и включения в состав Ордынского государства «разрушившего прежнюю систему социально-экономических и политических отношений»... «на Руси начинается все более интенсивно развиваться феодализм...», а вследствие необходимости громадных поставок в качестве регулярных и нерегулярных даней, «выходов» на протяжении более двух веков, в том числе людьми, уводом мастеров, прерыванием, а позже замедлением темпов необходимого в тех условиях процесса колонизации и освоения новых земель. Переход в феодальную стадию развития произошел вопреки ордынскому владычеству, но благодаря сохранению оказавшегося достаточным количества активного привилегированного и производящего населения, непосредственных носителей, по сути, уже новых экономических отношений, что позволяет нам сегодня наблюдать динамику этих процессов, отраженных в двух редакциях Русской Правды⁴¹. Пусть и в меньшей степени, но они отразили еще и динамику перемен в зрелости структуры социальных связей. Общий уровень развития русских земель и масштабы сопротивления на момент завоевания и к концу XIII в. позволили сохранить русское управление в центре и на местах, восстановить хозяйственную жизнь и продолжать, пусть медленное, но неуклонное развитие экономики, социальной структуры и управления в сторону их феодального развития.

Разумеется, на формирование удельно-вотчинной системы Руси в определенной мере повлияли монгольское право и система властвования. Подчинив себе все монгольские роды и закрепив свою власть над всеми монгольскими племенами (1206), Чингизхан выделил уделы только членам своей семьи, ибо государство есть *достояние главы рода*, который создал державу. Все остальные племена и роды становились слугами его рода. Но к концу XIII в. империя распадается⁴² на улусы, и власть потомков Джучи становится достаточно самостоятельной. К этому времени утвердился принцип наследования от отца к сыну, что способствовало усилению единодержавия. А к началу XIV в. появляются династии уже областных правителей в самой Золотой Орде. Эти перемены, безусловно, соответствовали эволюции монгольских представлений о власти и собственности⁴³. Вряд ли случайным стечением обстоятельств в этом ряду выглядит поездка Ивана Даниловича Калиты в Орду в 1339 г., куда он вез свою духовную грамоту с завещанием по наследованию великокняжеского стола, получившую *одобрение* хана. И как естественно после этого выглядит поступок Дмитрия Ивановича (Донского), когда он, незадолго до своей кончины (1389), составил завещание, в котором передавал своему старшему сыну Василию Владимирский великокняжеский стол как «свою вотчину», без упоминания о ханском ярлыке! Отсюда «... духовная Ивана Калиты – первый акт, фиксирующий новую для Руси *систему удельно-вотчинных отношений*: торжество великокняжеской власти заключалось в укреплении *семейно-родовой собственности* (курсив мой. – В.Ч.) Уделы существуют, пока существует великокняжеская... семья – верховный распорядитель собственности»⁴⁴. По мысли автора, в этом и заключался традиционализм в социальных отношениях в русском средневековом обществе.

И все же, в основе становления раннефеодальных отношений в плане не только экономики, но и собственно феодальной государственности лежит начавшийся еще с середины XII в. переход к удельно-вотчинной системе. И хотя в тот момент нашей истории она только зарождалась, но уже была вполне внятно выражена колоритным персонажем в лице Андрея Боголюбского⁴⁵: (1) территориально и политически как Великий князь он вышел из под влияния вечевых собраний Киева, Суздаля и Ростова, перенеся столицу в младший город – Владимир на Клязьме, при этом Киев в 1169 г. был взят штурмом, разграблен, многих жителей «взяли в полон»; (2) изгнал из Ростовской земли своих

⁴¹ Объем закрепляемых нормами права отношений экономических и выраженных социальных связей от начала XI в. и к первой трети XII в. вырос втрое, что само по себе свидетельствовало о наборе новых *качественных*, а не только количественных составляющих в экономике и общественной структуре Руси.

⁴² Это связано со смертью Хубилая в 1294 г., покорителя Китая. Хубилай ввел практику назначения наследника своего китайского престола управлять Монголией. Последний сильный общемонгольский правитель. В 1368 г. монголы были изгнаны из Китая, где утвердилась династия Мин.

⁴³ См.: Федоров-Давыдов Г.А. Государственный строй Монгольской империи XIII в. М., 1993. С. 90.

⁴⁴ Юрганов А.Л. Удельно-вотчинная система и традиции наследования власти и собственности в средневековой России // Отечественная история. 1996. №3. С. 170-171.

⁴⁵ Подробно этот сюжет уже был рассмотрен, см.: Чиркин В.А. Соотношение внутреннего и внешнего факторов в процессе развития ранней государственности Руси... С. 453-455.

братьев и племянников, лишив их кормлений по городам младшим⁴⁶; (3) вывел великокняжескую власть из-под традиционного влияния старшей дружины, отцовых бояр и мужей; (4) перенес опору на младшую дружину, подручников, политически и экономически полностью зависимых от его власти; (5) попытался воздействовать на патриарха, чтобы установить новую Владимирскую митрополию, во главе со своим митрополитом Феодорцом. Указанные характеристики в целом дают некоторое представление о первом проявлении новой для Руси эпохи. И здесь следует заметить, что такие традиционные для Восточной Европы или Киевской Руси структуры, как «земля-волость», «город-государство», «волость-община», «вече-князь» продолжали, в рамках этого начавшегося движения, свое историческое существование. Но очевидно слияние первых двух понятий, при медленном усилении власти князя и при окончательном отмирании уже в ордынские времена, в правление Дмитрия Ивановича веча. Но не вечевого духа в широком смысле этого слова-понятия, вошедшего в генетический код русского народа, всякий раз проявляющегося на крутых поворотах нашей общей трудной и сложной исторической судьбы.

Большую роль во всех этих процессах, несомненно, сыграла русская православная церковь. Именно она и в домонгольские времена, и во времена владычества Орды стремилась сохранить духовное единство всех русских земель⁴⁷. Впрочем, такого рода «компенсирующие» защитные механизмы хорошо известны по отечественным разработкам китаеведов по истории Китая XIII – начала XV в.⁴⁸ Можно предположить наличие и сохранение тенденций, готовящих домонгольскую Русь, еще на стадии формирования условий, для перехода к феодальному строю. Что и позволило выдержать немислимые тяготы ордынского владычества и относительно быстро выйти на уровень уже феодальных отношений.

Как бы там ни было, уже в правление Ивана III Московская Русь перейдет на уровень *сословной монархии*, что, к сожалению, не избавит Московское государство от повторяющихся тяжелых для народа и государства потрясений, вызванных корыстной деятельностью родовитого боярства (и не только «нового» Московского) на протяжении большей части XVI в. и особенно конца XVI – первой четверти XVII в. Благодаря беспрецедентной поддержке русского народа новой династии Романовых, выраженной в деятельности Земских Соборов этого периода, через сто лет уже государство Российское достигнет статуса абсолютной монархии, со всеми вытекающими из этого последствиями, к сожалению, и отрицательными. Ускорение России в правление Алексея Михайловича, но главным образом при Петре Алексеевиче обернется усилением крепостничества до степени или практики продажи крепостных без земли, с раздельной продажей членов семей⁴⁹.

Но вернемся к рассмотрению заявленного нами периода. В социально-экономическом отношении очевиден, в связи с этим подходом, переходный характер общинной организации, который сочетал в себе черты сельской и соседской территориальной общины. А особенностью является сохранение при этом преимущественно больших⁵⁰, а не малых семей. И то, и другое, очевидно, могло сдерживаться двумя причинами. Во-первых, процесс колонизации, начиная с середины XII в. и до нашего времени, еще был далек от завершения, а в первые десятилетия после разрушительного завоевания, из-за сокращения населения и даже массового обезлюдения в наиболее развитых до этих событий древ-

⁴⁶ Это нарушение традиции коллективного родового владения, т.к. Андрей не захотел сесть в Киеве, и тем самым, не освободил по лестничному принципу столы в Суздале и Ростове, чему, кстати, оба веча сами же и способствовали. Но оставшись в Ростове и Суздале, князь как старейший в роду, имеющий право на власть и собственность, должен был поделить сидения с кормлениями и иными достоинствами в городах и волостях между «братией своей», чего не сделал.

⁴⁷ См.: Ключевский В.О. Русская история. М., 2005.

⁴⁸ См.: Симоновская Л.В., Стужина Э.П., Лапина З.Г., Китай в период сложившихся феодальных отношений // История стран Азии и Африки в средние века. Ч. 1. М., 1987. С. 180-209.

⁴⁹ См.: История России / Под ред. А.Н. Сахарова. М., 2005. С. 546-547. Яркий образец оценки этого позорного явления нашей истории даже в современной отечественной академической историографии. Речь идет о попытках властей ограничить русскую работоторговлю «крещеной собственностью» в период 1771-1775 гг.

⁵⁰ Большая семья обнаруживается в Новгородской земле даже в XIV-XV вв. Впрочем, в лихолетье времен Итальянских войн в первой половине XVI в. и позднее население итальянских земель почти полвека выживало в условиях разрухи, эпидемий и небывалого насилия, вернувшись к большим семьям. При том, что в предшествующее столетие Италия была едва ли не самой процветающей феодальной территорией Европы с высокоразвитой, передовой экономикой и культурой. – Автор, по приглашению Н.Ф. Колесниченко, лично присутствовал на докладе по этому вопросу, прочитанном Ю.Л. Бессмертным в институте Всеобщей истории.

нерусских землях, скорее всего, деградировал. Во-вторых, начавшийся процесс «оседания дружины на землю», наметившийся, как минимум, рост крупного землевладения по тем же объективным причинам самое малое – остановился⁵¹.

Косвенно об относительно невысоком потребителемском внутреннем уровне развития крестьянского зернового хозяйства свидетельствует тот факт, что княжеское хозяйство предположительно до рубежа XII – XIII вв. базировалось не на земледелии, а на скотоводстве. Отмечается слабое, к IX – первой половине XII в. незначительное развитие пашенного земледелия в хозяйствах князей, бояр, мужей и т.д., чего нельзя сказать относительно хозяйств основной массы сельского населения и небольшой части городского. Хотя занятия промыслами⁵² просто должны были играть самую серьезную роль вплоть до утверждения феодального, то есть, по определению, земледельческого, пашенного крупного господского или домениального собственно и парцеллярного крестьянского хозяйств.

Доходы князей в основном складывались из даней – поборов с покоренных племен и от кормлений – приношений своего населения за защиту, суд и т. п. Разумеется, даннические отношения уже к XII в., как и добровольные приношения в виде кормленных поступлений, должны были меняться во многих отношениях. С окончательным, в основных землях, закреплением к Киевскому столу дани превращаются либо сливаются в некое подобие «налогового» обложения, как и кормления⁵³, последнее, очевидно, утратили какую-либо добровольность еще раньше.

Параллельное изучение боярского и церковного землевладения лишь подтверждает свидетельства аналогичных данных относительно княжеского хозяйства – крупное так называемое феодальное землевладение не получило сколько-нибудь заметного развития на Руси. Богатство знати на Руси множилось в результате «...накоплений движимых ценностей, увеличения [поголовья скота в] стадах и эксплуатации промысловых угодий», а не за счет «плодов земледельческого труда». По мнению учеников и последователей И.Я. Фроянова, ему удалось «убедительно опровергнуть» теорию господства в исследуемый период верховной княжеской собственности на землю⁵⁴. Это *важнейшее* замечание. И следует согласиться с тем, что феодализм, по И.Я. Фроянову, есть «общественно-экономический строй, основанный на крупном землевладении с подневольным крестьянским трудом». Но все же определение феодализма не может сводиться лишь к экономическому, организационно-хозяйственному фактору. Важен и военно-политический фактор, и когда первый и второй явно отражаются в соответствующей им социальной структуре и письменно закрепленных правовых представлениях (нормах права), совокупно придающих всем трем элементам системность и взаимосвязанность, то есть *типологически феодальный характер*, тем более имеющий аналоги и в странах средневекового Востока, а не только Европы⁵⁵. Исходя из этого можно согласиться с позицией С.В. Юшкова, подтверждаемой современной историографией по гражданской истории и истории государства и права, о дофеодальном характере государственности средневековой Руси конца IX – первой трети XIV в., который имел основанием, на наш взгляд, длительное сосуществование многоукладной экономики⁵⁶ и связанной с этим социальной структуры и отношений собственности⁵⁷. Да и государственность, скорее всего, как таковая, при всем ее своеобразии, все же началась лишь во время Владимира Мономаха (1113–1125). Пространная редакция Русской Правды, в основной части выполненная при его правлении, свидетельствует в пользу этого вывода.

Еще более важные выводы были сделаны В.В. Момотовым на основании исследований, выполненных В.В. Седовым в 1982 г., А.А. Зализняком в 1984 и 1995 гг., В.Л. Яниным совместно с А.А. Зализняком в 1986 г. и В.Л. Яниным в 1993, и 1990 гг.⁵⁸ Момотов пишет: «...Оказалось, что

⁵¹ Средневековая и новая Россия... С. 7.

⁵² Подробнее см.: Черепнин Л.В., Назаров В.Д. Крестьянство на Руси в середине XII-конце XV вв. // История крестьянства в Европе. М., 1986. Т. 2, ч. 2, гл. 13. С. 258-260.

⁵³ См.: Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX-XIV вв. М., 2003. С. 104-105.

⁵⁴ Там же. С. 7-8. См. подробнее: Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.

⁵⁵ См.: Чиркин В.А. История среднегерманских земель в документах... С. 237, 238, 239, 245, 248-249, особенно: С. 250-252. Речь идет о содержании терминов, характеризующих вассально-ленную систему.

⁵⁶ См.: Момотов В.В. Указ. соч. Особенно: С. 47 и др. На наш взгляд, речь идет о патриархальном, рабовладельческом и где-то с середины XII в. – зарождающемся «раннефеодальном».

⁵⁷ См.: Рубаник В.Е. Отношения собственности в восточнославянской традиции...

⁵⁸ Момотов В.В. Указ. соч. С. 53 и др.

уже в IV-V вв. славяне вступили в Средневековье расчлененными как в культурном, так и в этнографическом плане..., расселение славян было делом сложным, [разновременным] несколькими миграционными потоками из разных мест... Оказалось, что древненовгородский диалект формировался в условиях изоляции, т. к. между Псковско-Новгородской областью и областью Южной Руси существовал пояс балто-язычных племен⁵⁹... Был сделан вывод о заселении русского Северо-запада славянами, продвинувшимися на эти территории из южной Прибалтики. Т. е., Северо-Западная Русь впитала в себя не днепровский, а... западнославянский контингент населения... [Искать это место, по словам В.Л. Янина], следует в областях современной Польши»⁶⁰. «Повесть Временных лет» вполне обосновано говорит о том, что «... радимичи и вятичи – от рода ляхов. Было ведь два брата у ляхов – Радим, а другой – Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи... Т.о., освоение славянами северных лесных земель Русской равнины происходило независимо от миграции [племен из] южной зоны Восточной Европы»⁶¹.

Признание этого исторического факта ведет уже к уточнению роли городов домонгольской Руси. Ссылаясь на работы В.В. Седова (1987, 1984), В.В. Момотов пишет: «... Именно города, будучи полиэтничными по своей сути, стали центрами, где сглаживались многие межплеменные противоречия и создавался совершенно новый фундамент для построения элементов государственности средневековой Руси [в виде единой культуры славянских племен. Начало этого процесса относится к X в.].» Окончательно он сформируется к X–XI вв. Тем самым, городская культура с момента своего появления как бы «разрывает рамки племенной замкнутости»⁶².

Отсюда становится понятным и обоснованным солидарное мнение О.В. Ключевского и С.В. Юшкова, выраженное в тезисе о том, что формирование территории будущего древнерусского государства начиналось с появления шести торгово-городских областей и варяжских княжеств⁶³. Во главе такого рода ранних «политических» образований стояли «вожди-князья», представлявшие доминирующие этносоциальные группировки. Из этих ранних образований и будут вырастать так называемые города-государства, а из вождей-князей оформляться княжеская власть, с последней трети X в. как наследственная. При этом тот же М.Ф. Владимирский-Буданов писал, что «сознание единства русской нации образуется в IX–XI вв. и выражается в XI–XII вв. в законодательных памятниках... (курсив мой. – В.Ч.). Однако осознание национального единства в XII в. не было еще полным и всеобщим»⁶⁴.

В плане нашего исследования наибольший интерес представляет разработанное В.В. Момотовым положение о двух путях формирования в IX–XI вв. государственной власти на Руси. Первый проявился на северо-западе, во главе с таким политическим центром, как Новгород. Здесь государственная власть формировалась «через демократическую форму в аристократическую» (власть собственников, боярской аристократии) и существовали институты древнего федеративного управления и княжеской власти, с договорными отношениями между ними. Второй путь – южный, во главе с Киевом. Здесь государственная власть формировалась «через военную демократию» (вече и военный предводитель) «в военно-иерархическую структуру» (князь со своей дружиной).

Особенности политического устройства Новгородской и Киевской государственности, тем самым, определялись характером взаимоотношений власти и собственников. «Если в *Киевской земле* (курсив мой. – В.Ч.) княжеская власть формировалась самостоятельно, рождаясь в недрах разлагающейся общины, и в дальнейшем сама стала политическим инструментом, приобщение к которому давало возможность получения материальных выгод, включая собственность, то диаметрально противоположная ситуация складывалась в Новгородской земле, где власть изначально была сосредоточена в руках собственников, которые не только активно участвовали в ее создании, но и представляли ее. Таким образом, в Новгородской земле государственная власть в процессе своего формирования

⁵⁹ Рушится концепция, основывавшаяся на тезисе об ограниченности территории восточно-славянского ядра и дальнейшего развития как процесса разложения исходного единства, резко усилившегося в ходе дофеодальной раздробленности и ордынского нашествия. См.: Момотов В.В. Указ. соч. С. 53.

⁶⁰ Там же. С. 53.

⁶¹ Там же. С. 54.

⁶² Там же. С. 56.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. С. 51.

была производна от собственности, тогда как в Киевской, собственность была производна от княжеской власти»⁶⁵. На наш взгляд, отсюда вытекает вывод о том, что эти два пути возникли также и под воздействием такого фактора, как их внешнеторговая доминанта или направление. Для Новгорода – это североευропейское направление (Англия, Скандинавия, Германия), а для Киева – южное (Византия и ее ближние соседи).

Разрешив проблему с типологией общины и типом семьи, мы остановились на термине «*вотчина*». Значение русского раннесредневекового понятия «вотчина» – «*в отчину*» у восточных славян – унаследованное от отца владение. На Руси понятие «вотчина-отчина», «в отчину» уже в начале X в. употреблялось относительно имущественных прав наследования всего полноправного свободного населения и относительно тех же имущественных прав и права на замещение по старшинству на основе «*клевичного*» принципа, «по старине и пошлине» великокняжеского стола, с последующим перемещением младших князей в городах и волостях⁶⁶.

Уже в домонгольском периоде наследственные права свободных членов верви-общины и жителей городов, дружинников, бояр медленно, но неуклонно начинали существенно различаться. В удельный период (1097–1389 гг.) прослеживаются две линии в восприятии «вотчины» как наследственного *земельного* (пашня, промысловый участок, усадьба) и *движимого владения* (прежде всего скот и прочая живность, производственный инвентарь, одежда, украшения, оружие, защитное вооружение, серебро) – крестьянская и господствующего социального слоя. В крестьянской среде понятие «вотчины» в первоначальном значении наиболее долго бытовало в *черносошных* волостях. У частновладельческих крестьян термин «вотчина» отмирает раньше – на протяжении XVI – начала XVII в. И впоследствии в употребление входит термин «надел». Дальнейшее развитие феодальных отношений и оформление сословий привело к слиянию понятия «вотчина» исключительно с княжеской и боярской частью господствующего сословия. На протяжении XVIII в. термин «вотчина» сменился на «поместье» и «имение».

Дольше всего средневековый стереотип крупной вотчины как непосредственного обладания властью над населением, проживающим на данной территории, и, обладание правом получения доходов, был свойственен великокняжеской, а позже – царской власти. Раннесредневековое восприятие княжеской вотчины, в широком смысле этого слова, означало временное управление волостью, полученной в соответствии с существовавшим в рамках правящей династии «*клевичным*» порядком. Взимание за выполнение военных, административных, судебных и прочих властных функций *даней, полюдья*, пошлин, разного рода корма обозначали, по выражению В.В. Момотова, «форму властвования»⁶⁷. Неуклонный рост крупного вотчинного землевладения князей на протяжении XII–XIV вв., наряду с церковными и боярскими вотчинами, в узком смысле⁶⁸ этого слова, при народившейся системе государственного управления в рамках Золотой Орды, привели к слиянию обеих форм восприятия вотчины. *Родовой* принцип властвования сменился *семейным*, практика получения ярлыка на великое княжение ускорила победу последнего. Для великих и удельных князей середины XII – середины XV в. управляемые ими уделы и княжества – это их «вотчина», власть над которой составляет их неотъемлемое наследственное право. Но сам вотчинный *принцип отправления власти* возник лишь в XIV в. и был воспринят властителями образовавшегося в конце XV в. единого Московского государства. Они уже именовали Русское государство в официальных документах своей вотчиной, полученной в наследство от своих предков. Однако понятие вотчины распространялось и на вновь присоединённые земли. Дуализм отождествления княжеской и царской власти с вотчинными, по своей сути, *аллодиальными правами* – яркая черта русской государственности. Тем не менее вряд ли есть основания говорить о «вотчинном государстве» на Руси как «особом типе политической органи-

⁶⁵ Момотов В.В. Формирование русского средневекового права... С. 28-29; *Его же*. Формирование русского средневекового права... М., 1995. С. 63-102, 381-383.

⁶⁶ См.: Ключевский В.О. Русская история. М., 2005. С. 55-56

⁶⁷ Момотов В.В. Формирование русского средневекового права... С. 104-105.

⁶⁸ И в эти столетия основной контингент рабочей силы внутри вотчин – холопы и близкие им категории зависимого населения. Так или иначе внутри-вотчинные отношения не могли не влиять и на характер отношений со всеми категориями свободного населения княжеств. Изменился, как мы уже отмечали, и характер отношений в среде привилегированных слоев населения после тяжелых потерь среди князей, бояр и свободного городского населения. Вследствие этого государственность на Руси приобрела «вотчинные черты», чему способствовала практика получения ярлыка на великое княжение.

зации». Скорее речь идет об окончании процесса перехода раннесредневековых русских княжеств во второй половине XIV в. в стадию ранних феодальных отношений с оформлением наследственной монархии, сочетавшей дворцовую и вотчинную системы государственного управления.

Поступила в редакцию 12.06.2020

Чиркин Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: chirkin.hist@yahoo.com

V.A. Chirkin

GENESIS OF OLD RUSSIAN STATEHOOD AND THE PROCESS OF FORMATION OF THE PROPERTY INSTITUTION IN MEDIEVAL RUSSIA OF THE X–XIV CENTURIES

DOI: 10.35634/2412-9593-2020-30-6-894-907

Russian state and property formation and development in the middle ages in a narrow and broad sense, that is, in the economic, social and political sense, which creates a peculiarity in the development of this institution in the Russian history of state and law, influencing the views of representatives of the theory of state and law in Russia. It is noted that with a certain combination of factors and circumstances, the institution of property can and does flow or even covers the content of the concept of power, power “political”. The article is an attempt to understand the concept of “patrimony” in Russian historiography and related institutions, including the socio-psychological factor or mass consciousness.

Keywords: statehood, the process of formation, state, estates, proto-feudal, civilization, community, city, tribal Union, parish, Prince, Veche, boyars, squad, Varangians, people, smerds, outcasts, purchases, property, possession, inheritance, land ownership, allod, allodial form of ownership, Fatherland, patrimony, Rus, Moscow Rus.

Received 12.06.2020

Chirkin V.A., Doctor of History, Professor at the Department of Theory and history of state and law
Udmurt State University
Universitetskaja st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: chirkin.hist@yahoo.com